

ИНИЦИИРОВАНИЕ ВСКИПАНИЯ ПЕРЕГРЕТЫХ КРИОГЕННЫХ ЖИДКОСТЕЙ**В. Г. Байдаков¹, А. М. Каверин¹, В. Н. Андбаева¹, А. О. Максимов², А. С. Панков¹**¹*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт теплофизики Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург, Россия*²*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Тихоокеанский океанологический институт им. В.И. Ильичева Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток, Россия*

Во многих природных и технологических процессах наблюдаются задержки фазовых превращений. Вскипанию жидкости предшествуют ее переход в метастабильное фазовое состояние. Снятие метастабильности часто имеет взрывной характер и приводит к скачкам давления, гидравлическим ударам, что отрицательно сказывается на работе технологического оборудования. Поэтому разработка методов инициирования вскипания перегретой жидкости и теоретическое описание этого процесса является актуальной научной и технической задачей. В докладе обсуждаются три способа инициирования фазовых превращений: активируемые центры на контактирующей с жидкостью поверхности, низкокипящие добавки и ионизирующее излучение.

Для изучения вскипания перегретых жидкостей использовались два метода: метод измерения времени ожидания вскипания и метод непрерывного понижения давления. Экспериментальная установка и методика проведения опытов подробно описаны в [1]. Жидкость перегревалась в верхней части измерительной ячейки, выполненной в форме трубки и помещенной в термостат. В опытах использовались два вида трубок: медные и стеклянные. Подготовленная смесь конденсировалась в охлажденную рабочую камеру и запиралась низкотемпературным вентилем. Температура нижнего блока устанавливалась такой, чтобы при минимальном давлении опыта жидкость находилась бы в стабильном фазовом состоянии. В верхнем блоке устанавливалась заданная температура опыта T . Давление жидкости p_1 соответствовало ее стабильному состоянию при температуре верхнего блока. После этого в первом методе давление резко понижалось до заданного давления p_2 (см. диаграмму на рис. 1), жидкость переходила в метастабильное фазовое состояние и через время τ_i вскипала. Для уменьшения времени гидравлической релаксации в системе и адиабатического охлаждения жидкости сброс давления проводился в два этапа. После вскипания давление повышалось до значения p_1 , проходила температурная и гидравлическая релаксация, и измерения повторялись, либо производился переход к новому значению температуры T и/или давления p_2 . Во втором методе осуществлялось плавное (со скоростью 0.01–0.10 МПа/сек) понижение давления и его фиксация в момент вскипания.

Исследуемыми веществами являлись однокомпонентные жидкости (кислород [2], азот [3], ксенон [4]), бинарные (аргон–гелий, аргон–неон [5], кислород–гелий [6], азот–гелий [7], ксенон–гелий, этан–метан, метан–азот) и тройные (кислород–азот–гелий) системы.

Измерения времени жизни проводились по двум-трем изобарам. На начальной стадии эксперимента наблюдался существенный разброс экспериментальных значений среднего времени жизни $\bar{\tau}$ и невозпроизводимость $\bar{\tau}$ при изменении термодинамического состояния жидкости (этап «приработки»). После нескольких сотен вскипаний достигалась воспроизводимость средних значений $\bar{\tau}$. Длительность «приработки» зависела от состояния твердой поверхности, контактирующей с жидкостью, и от давления. Рост давления всегда приводил к сокращению времени «приработки». Время «приработки» поверхности медной трубки было больше, чем стеклянной.

Гистограмма распределения времен ожидания вскипания (времен жизни) раствора ксенон–гелий при постоянной температуре $T = 262.3$ К, давлении $p = 1.98$ МПа представлена на рис. 2. Там же приведена теоретическая кривая, построенная по распределению Пуассона

$$n = \frac{N \cdot \Delta\tau}{\bar{\tau}} \exp\left(-\frac{\tau - \tau_0}{\bar{\tau}}\right),$$

где N – полное число вскипаний, $\Delta\tau$ – ширина “ступеньки” гистограммы, τ_0 – время задержки, связанное с переходным процессом в системе и временем срабатывания релейной схемы установки, $\bar{\tau} = \sum_{i=1}^N \tau_i / N$ – среднее время жизни перегретой жидкости.

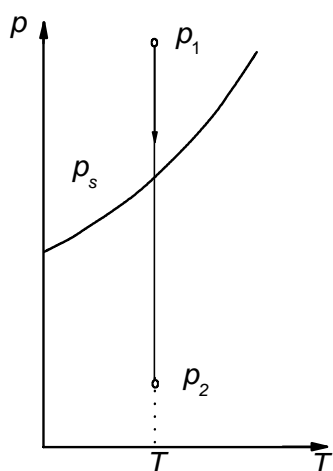

Рис. 1. pT – диаграмма процесса при сбросе давления

Видно, что теоретическая линия удовлетворительно согласуется с экспериментальными данными, что свидетельствует о вероятностном характере зародышеобразования. Приведенный вид гистограммы характерен для всех исследованных криогенных жидкостей.

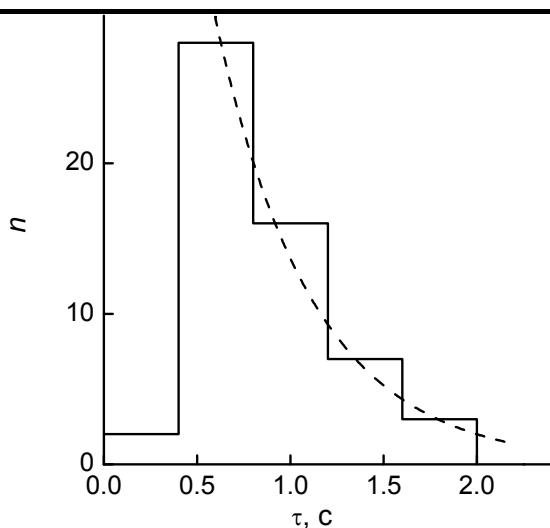

Рис. 2. Гистограмма опыта с жидким раствором ксенон–гелий при температуре $T = 262.3$ К. $N = 56$, $\bar{\tau} = 0.12$ сек, $\tau_0 = 0.4$ сек

На рис. 3 представлена температурная зависимость логарифма частоты зародышеобразования в жидком азоте и ксеноне. Видно, что величины перегревов жидкости в стеклянных и медных трубках близки, хотя имеет место систематические расхождения как по абсолютной величине перегрева (в медных трубках перегрев меньше), так и по наклону изобар $\lg J$.

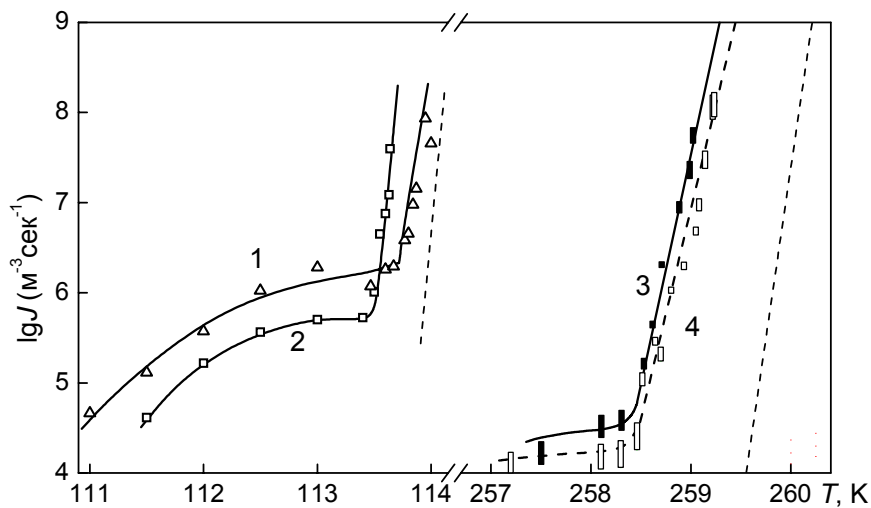

Рис. 3. Температурная зависимость логарифма частоты зародышеобразования в стеклянной (1 и 4) и медной (2 и 3) трубках. Слева – азот ($p = 1.0$ МПа), справа – ксенон ($p = 1.48$ МПа). Пунктирные линии – расчет по теории гомогенной нуклеации

Если внутреннюю поверхность трубки рассматривать как однородную и гладкую, то стационарная частота гетерогенной нуклеации может быть представлена в виде [4]

$$J_{het} = N_S B_{het} \exp(-\Psi W_* / k_B T). \quad (1)$$

Параметр Ψ является функцией краевого угла, которая для парового пузырька имеет классический вид [8]. Расчет Ψ для жидкого ксенона по экспериментальным данным из (1) дает $\Psi = 0.63 \div 0.64$, откуда получаем $\theta_0 \approx 70^\circ$. Столь большая величина краевого угла не наблюдается у конденсированных инертных газов на твердых поверхностях. Противоречие удастся разрешить, если учесть вклад в работу зародышеобразования избыточной свободной энергии границы контакта твердое тело–жидкость–пар (линейного натяжения σ_{SLV}) и ввести микроскопический краевой угол θ_* , определенный уравнением

$$\cos \theta_* = \cos \theta_0 + \sigma_{SLV} / \sigma_{LV} R_* \sin \theta_* .$$

В реальных условиях ограничивающая жидкость твердая поверхность не является идеально гладкой. На ней имеются неровности в виде выступов и впадин. Впадины являются наиболее вероятными местами возникновения паровых зародышей. Для зародышеобразования на поверхности сферического углубления функция Ψ имеет более сложный вид [9]:

$$\Psi = \frac{1}{2} + \frac{3 \cos \theta_0}{2x_*^2} - \frac{1}{x_*^3} - \left(\frac{1}{2} + \frac{\cos \theta_0}{2} - \frac{1}{x_*^2} \right) \sqrt{1 + \frac{1}{x_*^2} - 2 \cos \theta_0} , \quad (2)$$

где $x_* = X / R_*$ – отношение радиуса кривизны каверны X к радиусу критического зародыша R_* . Приведенное выражение позволяет определить работу образования критического

зародыша в отдельной каверне. Частота зародышеобразования на неровной поверхности J будет определяться суммой потоков от участков поверхности, имеющих разную кривизну. Для ее определения необходимо оценить плотность участков поверхности с заданными радиусами кривизны $X_1, X_2: N(X_1, X_2)$, что может быть сделано только для относительно простых моделей, в частности для гауссовских случайных поверхностей. Так как потенциал Гиббса, который отличается от фактора формы Ψ на постоянный множитель, найден только для сферической каверны, то оценен может быть не полный поток, а только его часть, связанная с нуклеацией на участках поверхности, имеющих равные радиусы кривизны $X_1 = X_2$, т.е. омбилик.

Для случайной поверхности, отклонение которой от плоскости описывается гауссовской случайной функцией $\xi(\mathbf{r})$, следуя Берри [10], число омбилик может быть найдено в явном виде

$$N_u(X) = \frac{3}{4\pi^{3/2}} \frac{1}{\sqrt{\langle \xi^2 \rangle X^2}} \exp\left[-L^4 / (4 \langle \xi^2 \rangle X^2)\right].$$

Приведенное выражение отвечает гауссовской автокорреляционной функции $\langle \xi(\mathbf{r}')\xi(\mathbf{r}'+\mathbf{r}) \rangle = \langle \xi^2 \rangle \exp[-r^2 / 2L^2]$.

Вклад в общий поток от зародышеобразования вблизи омбилик описывается интегралом следующего вида

$$J_{het}^> = \frac{3}{8\pi^{3/2}} \int_{R_b}^{\infty} dX B_{het}(X) \frac{S(X)}{a_l} \frac{1}{\sqrt{\langle \xi^2 \rangle X^2}} \exp\left[-\frac{X_c^2}{X^2} - \frac{W_n^*}{k_B T} \Psi(X_*/X, \theta_0)\right], \quad (3)$$

где $X_c = L^2 / 2\sqrt{\langle \xi^2 \rangle}$. В выражении (3) интегрирование проводится по радиусу кривизны. Нижний предел интегрирования отражает ограничения, присущие модели (2), состоящие в том, что радиус кривизны зародыша меньше глубины ямы – пузырек находится в каверне. Учет возможности преодоления дополнительного барьера и выхода из каверны приводит к существенному усложнению задачи. Кинетический множитель $B_{het}(X)$ предполагается совпадающим по порядку величины с его значением для плоской поверхности, $S(X)/a_l$ – число мест для нуклеации в отдельной каверне.

Полученное аналитическое выражения для оценки интенсивности нуклеации на микронеровной поверхности позволяет оценить эффективность этого механизма зародышеобразования и провести сопоставление с экспериментальными данными. Согласно определению скорости образования зародышей (1), между временем ожидания появления критического зародыша $\bar{\tau}$, J_{het} и площадью смачиваемой метастабильной фазой Σ существует следующее соотношение $\bar{\tau} = (J_{het} \cdot \Sigma)^{-1}$.

Для экспериментов с жидким аргоном характерные значения параметров, входящих в выражение (3), имеют следующие значения: $a_l \approx 0.16$ нм, $W_{hom}^* / k_B T \approx 70$, W_{hom}^* – потенциал Гиббса для гомогенной нуклеации при тех же значениях определяющих параметров. Внутренняя поверхность экспериментальной ячейки – стеклянного капилляра с внутренним диаметром порядка 1 мм равна $\Sigma = 320$ мм². Рис. 4 иллюстрирует поведение времени ожидания появления критического зародыша в жидком аргоне за счет гетерогенной нуклеации в кавернах капилляра как функцию равновесного угла смачивания и отношения

радиуса кривизны доминирующих неоднородностей к радиусу критического зародыша. Теория гомогенной нуклеации для указанных параметров аргона дает $\lg \tau(c) = 1.1$, что удовлетворительно согласуется с экспериментальными данными.

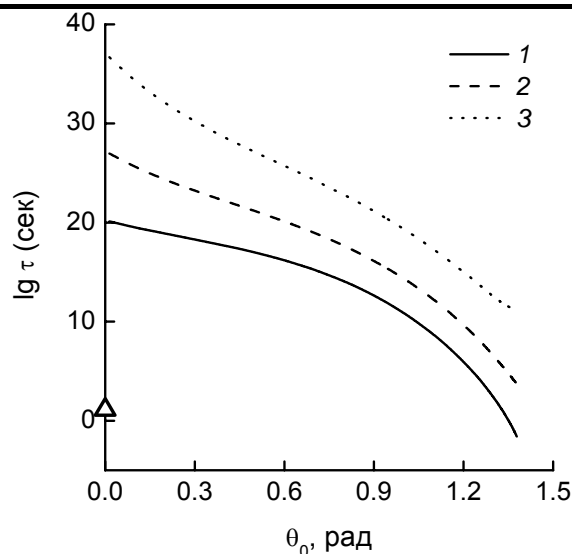

Рис. 4. Время ожидания появления критического зародыша в жидком аргоне как функция равновесного угла смачивания. Линии – зародышеобразование на окружающей поверхности: 1 – $X_c/R_* = 2$; 2 – 3; 3 – 4. Треугольник – гомогенное зародышеобразование в объеме жидкости

Как следует из рис. 4, развитая модель нуклеации на неровной поверхности может описать экспериментальные данные только при наличии шероховатостей с $X_c \leq 10$ нм и углом смачивания $\theta_0 \geq 1$ рад $\approx 55^\circ$. Высказано предположение о возможности реализации таких условий в обсуждаемых экспериментах. Так, недавние исследования поверхностных свойств стеклянных капилляров с помощью сканирующего электронного микроскопа [11] демонстрируют наличие шероховатостей с размерами меньшими 100 нм. В то же время, исследование с помощью туннельных микроскопов поверхностных нанопузырьков [12] выявили фундаментальные отличия в свойствах этих образований от их макроскопических аналогов. Например, контактный угол со стороны газовой фазы, который они образуют с твердой подложкой, всегда мал, вне зависимости от химического состава подложки и зависит от размера нанопузырька.

Таким образом, развитая модель гетерогенной нуклеации в кавернах неровной поверхности может оказаться достаточно эффективным каналом появления новой фазы из метастабильного состояния.

Отклонение экспериментальных кривых от теоретических линий при $\lg J < 6.5$ (для азота) и $\lg J < 4.5$ (для ксенона, см. рис. 3) свидетельствует о том, что здесь вскипание инициируется действием других факторов. Такими факторами могут быть естественный радиационный фон и его совместное воздействие со слабыми местами на стенках ячейки [1, 8]. Опыты по вскипанию жидкого аргона под воздействием ионизирующего излучения [1] подтверждают его существенную роль в инициировании зародышеобразования.

Обращает на себя внимание различная чувствительность жидкостей к ионизирующему излучению. Для органических жидкостей, азота, кислорода инициированное зародышеобразование происходит при частотах, на два порядка больших, чем у ксенона. Слабая чувствительность ксенона к ионизирующему излучению объясняется его сцинтилляционными свойствами: энергия быстрых частиц после столкновения с атомами вещества вместо трансформации в тепловую энергию переходит в энергию гамма-квантов. Тепловая энергия, выделяющаяся после столкновения частиц с атомами азота, кислорода и других жидкостей, приводит к вскипанию жидкости. Криптон занимает промежуточное положение в ряду конденсированных инертных газов, как по сцинтилляционным свойствам,

так и по радиационной чувствительности. Это проявляется в значении предельной частоты, на которой ещё наблюдается гомогенное зародышеобразование ($\lg J \approx 6.0$), и по отсутствию на изобаре температурной зависимости $\lg J$ криптона характерного «плато» – пологого участка, где зависимость частоты нуклеации от температуры практически отсутствует.

Растворение даже малого количества низкокипящего компонента в жидкости может сопровождаться сильной адсорбцией на границе жидкость–пар, что ведет к изменению поверхностного натяжения, которое в значительной мере определяет работу образования зародыша новой фазы и кинетику вскипания жидкости. Так, например, гелий и неон в аргоне выступают как поверхностноактивные добавки, понижающие поверхностное натяжение раствора. При заданном давлении растворимость неона в аргоне в 3-4 раза выше, чем гелия. Растворение 0.1 моль % неона в аргоне при давлении 1.5 МПа приводит к понижению температуры достижимого перегрева жидкости на 0.73 К, растворение такого же количества гелия – на 0.30 К. К аналогичным результатам приводит растворение гелия в кислороде ($\partial T_n / \partial c = -3.9$ К/моль %) [6], азоте ($\partial T_n / \partial c = -4.7$ К/моль %) [7] и растворе кислород–азот–гелий, наклон зависимости температуры предельного перегрева которого от концентрации гелия может быть определен по значениям $\partial T_n / \partial c$ кислорода, азота и соотношению их концентраций в растворе в аддитивном приближении.

На рис. 5 отклонения температур предельных перегревов трехкомпонентных растворов кислород–азот–гелий от значений T_n соответствующего “базового” раствора 54 % кислород + 46 % азот $\Delta T_n = T_{n,O_2-N_2-He}(x_{He}) - T_{n,O_2-N_2}$ представлены в зависимости от концентрации гелия. Значения $T_n = 128.99$ К базового раствора для изобары $p = 1.667$ МПа определено в специальном опыте. Соответствующее значение $T_n = 126.46$ К “базового” раствора для изобары $p = 1.0$ МПа получено полиномиальной аппроксимацией экспериментальных данных по перегреву раствора кислород–азот [1]. Вертикальный размер линий соответствует погрешности определения ΔT_n .

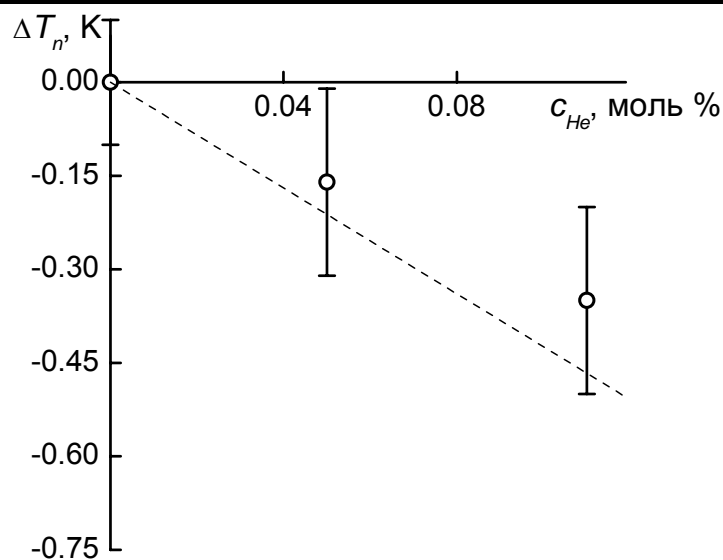

Рис. 5. Влияние концентрации гелия на достижимый перегрев растворов кислород–азот–гелий. Кружки – экспериментальные данные. Штриховая линия – расчет по теории гомогенной нуклеации

Видно, что теоретическая линия согласуется с экспериментальными данными в пределах погрешности эксперимента.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проекты № 10-08-96043-р_урал_a, 12-08-00467-а), программы совместных исследований УрО – ДВО РАН (проекты

Обозначения

a_l – площадь, занимаемая одной молекулой жидкости на подложке, м²; B_{het} – кинетический множитель при гетерогенной нуклеации, 1/с; c – концентрация низкокипящего компонента в растворе, моль %; J – частота зародышеобразования, м⁻³с⁻¹; J_{het} – частота гетерогенной нуклеации, м⁻³с⁻¹; k_B – постоянная Больцмана, Дж/К; L – корреляционная длина, м; N_s – число частиц на единице поверхности; p – давление, Па; R_* – радиус критического зародыша, м; $S(X)$ – площадь поверхности отдельной каверны, м²; T – температура, К; T_n – температура предельного перегрева для частоты $J = 10^7$ м⁻³с⁻¹, К; W_* – работа образования критического зародыша, Дж; X – радиус кривизны, м; x_* – отношение радиуса критического зародыша к радиусу углубления; X_c – радиус кривизны доминирующей неровности, м; θ_0 – равновесный краевой угол, град.; θ_* – микроскопический краевой угол, град; σ_{LV} – поверхностное натяжение на границе пар-жидкость, Н/м; σ_{SLV} – линейное натяжение на границе твердое тело–жидкость–пар, Н; τ – время жизни, с; $\bar{\tau}$ – среднее время жизни, с; Ψ – поправочный множитель; $\sqrt{\langle \xi^2 \rangle}$ – среднеквадратичная высота неровностей, м; Σ – площадь внутренней поверхности капилляра, м².

Литература

1. Baidakov V.G. Explosive boiling of superheated cryogenic liquids. Weinheim: Wiley, 2007. 340 p.
2. Каверин А.М., Байдаков В.Г., Скрипов В.П., Катянов А.Н. Предельные перегревы жидкого кислорода в металлических ячейках // ЖТФ. 1985. Т. 55, вып. 6. С. 1220–1222.
3. Байдаков В.Г., Каверин А.М. Кинетика гомогенного и гетерогенного зародышеобразования в перегретом жидком азоте // ТВТ. 1990. Т. 28, № 1. С. 90–96.
4. Baidakov V.G., Kaverin A.M. Superheating of liquid xenon in metal tubes // J. Chem. Phys. 2009. Vol. 131, No. 6. 064708 (6 p.).
5. Baidakov V.G., Kaverin A.M., Andbaeva V.N. Attainable superheat of argon–helium, argon–neon solutions // J. Phys. Chem. B. 2008. Vol. 112, No. 41. P. 12973–12975.
6. Baidakov V., Kaverin A., Boltachev G. Experimental investigations of nucleation in helium–oxygen mixtures // J. Phys. Chem. B. 2002. Vol. 106, No 1. P. 167–175.
7. Baidakov V.G. Nucleation in a superheated nitrogen–helium solution // Chem. Phys. Lett. 2008. Vol. 462, No. 4–6. P. 201–204.
8. Скрипов В.П. Метастабильная жидкость. М.: Наука, 1972. 312 с.
9. Каверин А.М., Максимов А.О. Возникновение кавитации в перегретой жидкости на неоднородной поверхности // Сессия научного совета РАН по акустике и XXIV сессия Российского акустического общества: Сб. науч. тр. / ГЕОС. М, 2011. Т. 1. С. 12–16.
10. Berry M.V., Hannay J.H. Umbilic points on Gaussian random surface // J. Phys. A: Math. Gen. 1977. V. 11, No 11. P. 1809–1891.
11. Malboubi M., Gu Y., Jiang K. Surface properties of glass micropipettes and their effect on biological studies // Nanoscale Research Letters 2011. Vol. 6, Art. Numb. 401.

12. Weijs J.S., Snoeijer J.H., Lohse D. Formation of surface nanobubbles and the universality of their contact angles: a molecular dynamics approach // Phys. Rev. Lett. 2012. Vol. 108, Art. Numb. 104501.